

Марк Захаров: «Что в голову влетело, то и истина»

Известный режиссер хочет поцеловаться с Лукашенко

Григорий Заславский

12 ноября театр «Ленком» отметил 75-летие. Без лимитного шума и даже излишне тихо. Сыграли «Шута Балакирева», потом поехали праздновать в ресторан «Прага». Группу актеров наградят, но звания «заслуженный коллеги» рестораторы, о чем говорили незадолго до юбилея, театр как будто не получит. Не стал претендовать, а то, конечно, получили бы и его.

Марк Антоньевич Сейчак, когда театр отмечает очередную круглую дату, вы не думали о том, что такое вообще юбилей театра?

— Конечно, я думал о театре. О том, что это юбилей не одного

любим играет, она пользуется большим успехом, и попросим кого-нибудь из московского правительства сказать нам короткий спич перед началом. А потом торжества, уже без фейерверка, прада, перенесены в ресторан «Прага».

— Только что вы побывали с «Шутом Балакирева» в Киеве, там некоторое время назад вышел фильм, где Петр — садист и гомосексуалист. Как воспринимали ваши спектакли, не сравнивали двух Петров. Великих — вашего и того, каким он вышел в фильме Ильинко?

— Нет, никто не сравнивал. Все без конца брали автографы, фотографировались с нами, был превращен Кучма, даже понесен на плечах, и теперь лежит, что-бы меня понесли еще Лукашенко, чтобы еще сильнее укрепить наше славянское культурное пространство. Такие триум-

воспринимает его как преемника?

— Режиссер должен сохранять некоторую тайну своих намерений, своего мышления. Конечно, я не то, что сам не умею делать, и не то тех людей, которые мыслят так, как не мыслю я. Когда-то, в молодости, я любил людей, которые мыслили примерно так же, как и я, одним словом, единомышленников. А сейчас я все больше и больше люблю тех, которые дарят мне какие-то новые ощущения. Возвращаясь к самомуциальному последнему театральному впечатлению — это «Пластилин» Кирпилла Серебренникова, на этот спектакль я пошел впервые не мысля раби, что происходит очень часто. Я увидел какие-то вещи, до которых я бы, пожалуй, не дотянулся.

— Об «Укроците-лей» писали, что это — чистое развлечение, что нет, мол,

— У режиссеров есть одно профессиональное заболевание, есть некая беззапланиченность, то, что в голову влетело, то и письма. Что касается статусной интеллигенции, после распада СССР в был забыт, что расчленяться на малые народности, образовывать новые государства — это пагубный путь во всех отношениях. Неделимы России — несчастья для меня связанные, прости за некоторый пафос. Как только началась первая чеченская война, я сразу же наступил против этого.

— Что сейчас происходит со спектаклем «Опальный дом», который вы начали сочинять вместе с Андреем Вознесенским и Алексеем Рыбниковым?

— Очень трудно идет работа. Есть интересные эскизы, уже записанные отдельные музыкальные номера, но нет еще общей стройной концепции

Марк Захаров перед началом юбилейных гастролей.

Фото Натальи Преборовской (ИФОТО)

театра, поскольку сначала был театр ТРАМ, организованный московскими комсомольцами в 1935 году, потом был Театр имени Ленинского комсомола, который возглавлял Иван Николаевич Берсенев, были разные периоды, фактически разные театры. Был замечательный театр у Эфроса в 60-е годы, потом были сложные времена, а где-то в 1973 появилась какая-то новая компания, дирекция и художественный руководитель, в данном случае — ваши покойный супруг, и начались мы знали уже какая по счету история этого гуманитарного флага, который называется теперь «Ленком».

— У вас обычно что-то такое взрывается на юбилеях...

— Когда театр исполняется 70 лет, неизменно выражал желание привезти Борис Николаевич Ельцин. Он поднял несколько автомобилей отечественного производства вспущим артистам, а также ордена, которые уже были обозначены в указе. И мы получившие, что это фальшивые, приятные, но короткие гастроли.

— Говорят, достаточно молодому актеру сыграть в «Ленкоме» роль, как он становится заслуженным. Какие новые награды может получить ваш театр к юбилею?

— Вы знаете, в цивилизованных странах званий нет, это дорогие нашему сердцу феодальные перстяки, идущие от армейской иерархии. Иностранные актеры, вообще умные люди, добивающиеся успеха, не говорят, что у них все есть. Еще что-то надо сделать, еще хочется, как правило, что-то сделать... Хотя бывает, что звезда Болхвуда быстро появляется съемочных площадок и удаляется к себе, на радио.

— Но вот недавно мне довелось говорить с молодой актрисой, недавно получившей звание заслуженной артистки России. Ей это приятно.

Зачем отнимать у актеров то, что доставляет им радость?

— Да, вы правы. Я не хочу впадать ни в какое занятие, говорить, что не надо мне звания — есть оно у человека, оно есть его звание в искусстве. Конечно, если бы Швейцкий, Касьянов и Пугин отменили бы эти звания, некоторое разочарование, падение настроения было бы.

— Вопрос, касающийся режиссера Романа Сагмина. Когда в прошлом году вышел его спектакль «Укроците-лей», не было такой рецензии, в которой критики не сравнивали бы новый спектакль с тем, что привыкли видеть в вашем театре. Так ли сделал бы Захаров или не так. Когда вы даете ему очередную работу, вы видите в нем ту самую верную смену,

существенных вопросов о судьбе России, что так или иначе всегда находят в ваших спектаклях. Сейчас, когда поставлены новые пьесы Александра Гельмана про черные предвыборные технологии, когда речь зашла о том, что Михаил Шатров пишет новую пьесу,

которая будет продолжением аго Ленинчаны, снова заговорили о политическом театре и его возрождении на русской сцене.

— Тама социальная активность не должна быть противной, не должна дублировать некоторые смелые газеты и смелые выступления в СМИ. Это должно быть как-то новым витком, новым мышлением, потому что какие-то вещи люди не хотят слышать со сцены, просто подсознательно не хочется слышать, например, о трагедии «Норд-Оста».

— Трагические события как-то отразились на посещаемости «Ленкома»?

— Нет, на это никак не отразилось. У нас и сейчас аншлаги. Нельзя сказать, что у нас очень большая зал, 700 с небольшим мест.

Несколько привнесли какие-то умные публикации полу-мединского характера — то,

что пережили люди, которых были в заложниках, можно сказать и на многих других, которые, как наркоманы на игле,

смотрели новостные программы, слушали бесконечно одни же сообщения по телевизору.

— В России есть такое понятие — статусная интеллигенция. Тяжело, когда от вас сегодня ждут какого-то высыпания на тему происходящих

трагических событий, когда не знаешь, что говорить, что делать, когда неясно, что делать.

либрею самое спектакля, музыкальной динамикой. Идет мучительный путь создания этого спектакля, который не должен быть похож на те мюзиклы, которых стало так много.

— Но вы планируете для себя какую-то дату премьеры, пусть пока предварительную?

— Хочется, чтобы все было сделано к зиме следующего года.

— Сейчас очень модно делать ремейки, как-то странно, что прошел незамеченный спектакль «Жестокие игры» с Сергеем Фроловым, Олегом Железняком, который, на мой взгляд, был не повторением старого спектакля по пьесе Алексея Арбузова. Из того, что было прекрасного в истории Театра имени Ленинского комсомола, к каким-то другим спектаклям вы собираетесь обращаться?

— Мне предлагали поставить «Доходное место», хотя этот спектакль не из истории «Ленкома». Но в таких вещах боясь повторений. Это невозможно повторять.

— А телевизионные или кино-планов у вас нет?

— Нет такой идеи, кроме бесконечных предложений по поводу «Мастера и Маргариты». Но это невозможно по многим причинам. Нет такой идеи, которые хорошо и легко рождались с ушедшим Григорием Гориным.

— «Мастера и Маргариты» вам предлагали поставить, потому что вы сами хотели ее поставить?

— Нет, просто считали, что мне это ничего не стоит, что это — мое произведение. И мне достаточно просто распределить роли и — все готово.